

ЛУЧШЕЕ
ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ
ЛАУРЕАТОВ
МИРОВЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

Джон Максвелл
Кутзее
Детство Иисуса

Москва
2015

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J. M. Coetzee

THE CHILDHOOD OF JESUS

Copyright © J. M. Coetzee 2013.

All rights are reserved by the Proprietor throughout the world. By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*

Оформление серии и иллюстрация на переплете *К. А. Терина*

Кутзее, Джон Максвелл.

К95 Детство Иисуса / Дж. М. Кутзее ; [пер. с англ. Ш. Мартыновой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-83123-4

«Детство Иисуса» — шестнадцатый по счету роман Кутзее. Наделавший немало шума еще до выхода в свет, он всерьез озадачил критиков во всем мире. Это роман-наваждение, каждое слово которого настолько многозначно, что автор, по его признанию, предпочел бы издать его «с чистой обложкой и с чистым титулом», чтобы можно было обнаружить заглавие лишь в конце книги. Полная символов, зашифрованных смыслов, аллегорическая сказка о детстве, безусловно, заинтригует читателей.

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

© Мартынова Ш.,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83123-4

Ради Д. К. К.

Глава 1

Человек у ворот отправляет их к низкому просторному зданию поодаль.

— Если поспешите, — говорит он, — успеете записаться до закрытия.

Они спешат. «*Centro de Reubicación Novilla*» — гласит вывеска. Что это — *Reubicación*? Такого слова он не помнит.

В конторе просторно и пусто. И жарко — жарче даже, чем снаружи. В глубине залы — деревянная стойка, разделенная на секции матовым стеклом. Вдоль стены — ряд каталожных шкафов с ящиками, лакированного дерева.

Над одной секцией висит табличка: «*Recién Llegados*», слова выписаны по трафарету черным на картонном прямоугольнике. Служащая за стойкой, молодая женщина, встречает его улыбкой.

— Добрый день, — говорит он. — Мы — новоприбывшие. — Он медленно выговаривает слова на испанском, который он так прилежно учил. — Я ищу работу, а также пристанище. — Хватает мальчика под мышки и поднимает его, чтобы она его как следует разглядела. — Со мной ребенок.

Девушка тянется через стойку, пожимает мальчику руку.

— Здравствуйте, юноша! — говорит она. — Это ваш внук?

— Не внук, не сын, я просто за него отвечаю.

— Пристанище. — Она поглядывает в бумаги. — Здесь в Центре у нас есть свободная комната, можете пожить в ней, пока не подыщите что-нибудь лучше. Не роскошно, однако вам, может, подойдет. А насчет работы давайте разберемся утром — вы, видно, устали и, наверное, хотите отдохнуть. Вы издалека?

— Мы были в пути всю неделю. Мы прибыли из Бельстара, из лагеря. Знаете Бельстар?

— Да, еще как. Я сама из Бельстара. Вы испанский выучили там?

— У нас каждый день были уроки, полтора месяца.

— Полтора месяца? Повезло вам. Я пробыла в Бельстаре три месяца. Чуть не умерла от скуки. Только уроками испанского и выжила. У вас случайно не сеньора Пиньера преподавала?

— Нет, у нас был учитель мужчина. — Он мнется. — Можно я затрону другую тему? Моему мальчику, — он бросает взгляд на ребенка, — нездоровится. Отчасти потому что он расстроен — растерян и расстроен, и не ел как следует. Питание в лагере показалось ему странным, не понравилось. Тут есть где как следует поесть?

— Сколько ему лет?

— Пять. Столько ему дали.

— И вы говорите, он не ваш внук.

— Не внук, не сын. Мы не родственники. Вот, — он извлекает из кармана две путевые книжки, протягивает ей.

Она разглядывает документы.

— Вам это в Бельстаре выдали?

— Да. Там нам дали имена, испанские.

Она перегибается через стойку.

— Давид — красивое имя, — говорит она. — Тебе нравится твое имя, юноша?

Мальчик глядит на нее спокойно, но не отвечает. Что она видит? Тощего, бледнолицего ребенка в шерстяном пальтишке, застегнутом до горла, серых шортах до колен, черных ботинках на шнурках, в шерстяных носках и матерчатой кепке набекрень.

— Тебе не жарко в такой одежде? Пальто не хочешь снять?

Мальчик качает головой.

Он вмешивается:

— Одежда — из Бельстара. Он сам ее выбрал из того, что у них было. Успел изрядно привыкнуть.

— Понимаю. Я спросила, потому что он, по моему, слишком тепло одет — в такой-то день. Хотела бы сообщить: у нас здесь, в Центре, есть склад, куда люди сдают одежду, из которой их дети выросли. Открыт по утрам каждый будний день. Заходите, выбирайте. Там разнообразнее, чем в Бельстаре.

— Спасибо.

— И вот еще что: когда заполните все необходимые анкеты, сможете получить на путевую книжку деньги. Вам причитается четыреста реалов на поселенческие расходы. И мальчику тоже. По четыреста реалов каждому.

— Спасибо.

— А теперь пойдете, я покажу вам комнату. — Склонившись, она что-то шепчет женщине за соседней стойкой — стойкой с названием «*Trabajos*». Женщина вытягивает ящик, копается в нем, качает головой.

— Легкая заминка, — говорит девушка. — Кажется, у нас нет ключа от той комнаты. Должно быть, он у администратора здания. Администратора зовут сеньора Вайсс. Идите в Корпус «С». Я вам нарисую схему. Когда найдете сеньору Вайсс, попросите ее дать вам ключ от С-55. Скажите, что вас прислала Ана из центральной конторы.

— Не проще ли будет дать нам другую комнату?

— К сожалению, свободна только С-55.

— А еда?

— Еда?

— Да. Можно ли здесь где-нибудь поесть?

— Опять же — спросите сеньору Вайсс. Она должна вам помочь.

— Спасибо. Последний вопрос: есть ли здесь какие-нибудь организации, которые занимаются соединением людей?

— Соединением людей?

— Да. Наверняка тут многие ищут родственников. Есть ли здесь организации, которые помогают семьям соединиться — семьям, друзьям, возлюбленным?

— Нет, я о таких организациях никогда не слышала.

Отчасти потому, что он устал и сбит с толку, отчасти из-за того, что карта, которую набросала девушка, оказалась невнятной, а частью оттого, что тут нет указателей, Корпус «С» и кабинет сеньоры Вайсс он находит не сразу. Дверь заперта. Он стучит. Ответа нет.

Он останавливает прохожего — крошечную женщину с острым, мышиным личиком, облаченную в шоколадного цвета форменную одежду Центра.

— Я ищу сеньору Вайсс, — говорит он.

— Она уже всё, — говорит женщина и, видя, что он не понял, уточняет: — На сегодня она всё. Приходите утром.

— Может, вы мне поможете. Мы ищем ключ от комнаты С-55.

Женщина качает головой.

— Простите, я не заведую ключами.

Они возвращаются в *Centre de Reubicación*. Дверь заперта. Он стучит в стекло. Внутри — никаких признаков жизни. Он стучит еще раз.

— Пить хочу, — ноет мальчик.

— Потерпи еще немного, — говорит он. — Я поищу кран.

Девушка, Ана, появляется из-за здания.

— Вы стучали? — говорит она. И его вновь поражают ее юность, здоровье и свежесть.

— Сеньора Вайсс, кажется, ушла домой, — говорит он. — Не могли бы вы сами как-то помочь? У вас нет ли — как это называется? — *llave universal*, открыть комнату?

— *Llave maestra*. Нет такого — *llave universal*. Будь у нас *llave universal*, всем бедам конец. Нет, *llave maestra* от Корпуса «С» есть только у сеньоры Вайсс. Может, у вас есть друг и вы бы устроились на ночь у него? А утром придете и поговорите с сеньорой Вайсс.

— Друг, и мы бы устроились на ночь? Мы прибыли к этим берегам полтора месяца назад и с тех пор жили в лагерной палатке в пустыне. Откуда, вы думаете, у нас есть друзья, у которых мы бы устроились на ночь?

Ана хмурится.

— Идите к главным воротам, — приказывает она. — Ждите меня снаружи. Сейчас разберусь, что можно сделать.

Они выходят за ворота, пересекают улицу и усаживаются в тени деревьев. Мальчик пристраивает голову ему на плечо.

— Пить хочу, — жалуется он. — Когда ты найдешь кран?

— Тс-с, — говорит он. — Слушай птиц.

Они слушают странную птичью песню, чувствуют кожей странный ветер.

Появляется Ана. Он встает, машет ей. Мальчик тоже поднимается на ноги, руки жестко прижаты к бокам, большие пальцы стиснуты в кулаках.

— Принесла попить вашему сыну, — говорит она. — На, Давид, пей.

Ребенок пьет, возвращает ей чашку. Она убирает ее в сумку.

— Хорошо? — спрашивает она.

— Да.

— Хорошо. Теперь пошли со мной. Идти неблизко, но можно считать это зарядкой.

Она стремительно шагает по дорожке через парковую зону. Привлекательная девушка, спору нет, хотя такая одежда ей не к лицу: темная бесформенная юбка, белая блузка, тесная у горла, туфли на плоской подошве.

Будь он один, шел бы с ней в ногу, но с ребенком на руках — никак. Он окликает ее:

— Пожалуйста, не так быстро!

Она не обращает на него внимания. Расстояние между ними увеличивается, он спешит за ней через парк, через дорогу, еще раз через дорогу.

Она останавливается перед узким простеньким домом.

— Тут я живу, — говорит она. Отпирает входную дверь. — Идите за мной.

Она ведет их по сумрачному коридору, через боковую дверь, вниз по ветхой деревянной лестнице, в маленький двор, заросший травой и сорняками, окруженный с двух сторон деревянным забором, а с третьей — сеткой.

— Присаживайтесь, — говорит она, кивнув на ржавый кованый стул, наполовину заросший травой. — Принесу вам что-нибудь поесть.

Садиться ему не хочется. Они с мальчиком остаются у дверей.

Девушка появляется с тарелкой и кувшином. В кувшине — вода. На тарелке — четыре куска хлеба, намазанные маргарином. В точности этим они завтракали на благотворительном пункте.

— Как новоприбывшим, вам по закону полагается останавливаться в предписанных местах проживания или в Центре, — говорит она. — Но это ничего, если вы первую ночь проведете здесь. Поскольку я — работник Центра, можно доказать, что мой дом считается предписанным местом проживания.

— Вы очень добры, это очень щедро, — говорит он.

— Вон там, в углу, остались кое-какие материалы. — Показывает. — Можете соорудить себе укрытие, если хотите. Сами справитесь?

Он смотрит на нее растерянно.

— Не уверен, что правильно понял, — говорит он. — Где именно мы проведем ночь?

— Тут. — Она обводит рукой дворик. — Я вернусь чуть погодя и посмотрю, как у вас идут дела.

Строительные материалы, о которых идет речь, — полдюжета листов оцинкованного железа, местами проржавевшего насквозь: явно старая кровля. Обрезки досок. Это какое-то испытание? Она действительно предлагает ему спать с ребенком под открытым небом? Он ждет ее обещанного возвращения, но она не приходит. Он дергает дверь: заперто. Стучит — нет ответа.

Что происходит? Может, она смотрит из-за штор на его реакцию?

Они не пленники. Перебраться через сетку и уйти — проще простого. Так и поступить? Или подождать и посмотреть, что будет дальше?

Он ждет. К ее появлению солнце уже садится.

— Вы не очень-то продвинулись, — говорит она, хмурясь. — Вот. — Она вручает ему бутылку с водой, полотенце для рук, рулон туалетной бумаги; отвечая на его вопросительный взгляд, говорит: — Никто вас не увидит.

— Я передумал, — говорит он. — Мы вернемся к Центру. Должно быть какое-нибудь общественное место, где мы сможем переночевать.

— Нельзя. Ворота Центра на ночь закрываются. В шесть.

Он раздраженно шагает к куче кровельного железа, вытаскивает два листа и прислоняет их под углом к деревянному забору. Прodelывает это с третьим и четвертым листами, получается грубый навес.

— Вы это имели в виду? — говорит он, оборачиваясь к ней. Но ее уже нет.

— Тут мы будем с тобой сегодня спать, — говорит он мальчику. — Приключение!

— Есть хочу, — говорит мальчик.

— Ты не съел хлеб.

— Не люблю хлеб.

— Придется привыкнуть, потому что больше тут ничего нет. Завтра найдем что-нибудь получше.

Мальчик с недоверием берет ломоть хлеба, откусывает немножко. Ногти у него, замечает он, черны от грязи.

Гаснет последний дневной свет, и они устраиваются в укрытии: он — на травяной подстилке, мальчик — у него на согнутой руке. Вскоре мальчик засыпает, сунув большой палец в рот. К нему же сон идет медленно, постепенно. Пальто у него нет, и чуть погода холод просачивается к нему в тело — он начинает дрожать.

«Ничего страшного, просто холодно, от этого не умрешь, — говорит он себе. — Ночь пройдет, встанет солнце, наступит день. Лишь бы ползучих насекомых не было. Ползучие насекомые — это чересчур».

Он засыпает.

Просыпается спозаранку, все затекло и ноет от холода. Поднимается гнев. Зачем это бессмысленное страдание? Он выползает из-под навеса, добирается до двери, стучит — сначала осторожно, потом все громче и громче.

Наверху распаивается окно; лицо девушки едва различимо в лунном свете.

— Да? — говорит она. — Что-то не так?

— Все не так, — говорит он. — Тут холодно. Пожалуйста, впустите нас в дом.

Долгое молчание. Затем:

— Подождите, — говорит она.

Он ждет. Затем:

— Вот, — говорит ее голос.